

РАЗДЕЛ III. ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 321.01

Матюхин А.В.

Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

ПРИНЦИП ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЛЯТИВИЗМА В ТВОРЧЕСТВЕ П.Н. НОВГОРОДЦЕВА И С.Л. ФРАНКА

Аннотация. В статье исследуется актуальный для методологии общественного развития принцип «политического релятивизма», представленный в творчестве выдающихся русских мыслителей первой половины XX века П.Н. Новгородцева и С.Л. Франка. В рамках этого принципа по-новому ставился вопрос о средствах и путях политического прогресса как соотношения абсолютного общественного идеала с относительными социально-историческими формами бытия. Принцип политического релятивизма стал альтернативой доминирующим в русском либерализме радикальным подходам к социально-политическим реформам.

Ключевые слова: реформы, либерализм, радикализм, доктрина, политический релятивизм, прогресс, абсолют, политическая наука.

A. Matykhin

Moscow Financial-Industrial University «Synergy»

PRINCIPLE OF POLITICAL RELATIVISM IN P.N. NOVGORODTSEV AND S.L. FRANK'S CREATIVE WORK

Abstract. The article analyses the principle of political relativism, actual for the methodology of social development presented in the works of outstanding Russian thinkers of the first half of the XX century of P.N. Novgorodtsev and S.L. Frank. Within this principle the question of means and ways of political progress got new understanding. They were considered to be the correlation of an absolute public ideal with relative socio-historical forms of objective reality. The principle of political relativism became an alternative to the radical approaches to socio-political reforms dominating in the Russian liberalism.

Key words: reforms, liberalism, radicalism, doctrine, political relativism, progress, absolute, political science.

В русской социально-политической мысли периода «Серебряного века» и первой волны эмиграции есть два автора, о которых необходимо сказать особо. Это – Павел Иванович Новгородцев (1966-1924) и Семен Людвигович Франк (1887-1950). Ставим их вместе и выделяем потому, что они являются своеобразными соавторами важного и актуального как для методологии общественного развития, так и формирования полноценной российской национальной политологии принципа политического релятивизма.

Для раскрытия данного принципа необходимо иметь в виду контекст социально-политического дискурса конца XIX – начала XX вв. Традиционно и Новгородцева, и Франка относят к либеральному направлению в русском общественном движении. Однако это весьма ограничивающая потенциал их концепций характеристика. Необходимо отметить, что в период их деятельности и творчества в российской общественной мысли и политике доминировали либералы радикального толка, люди типа И.И. Петрункевича, П.Н. Милюкова и др. Целое интеллигентское поколение рубежа веков формировалось в своеобразной духовной атмосфере поверхностного и (по выражению В.В. Розанова) «самодовольного» либерализма.

Для радикал-либералов западные по природе либеральные идеи, принципы и цели являлись некими абсолютными, не требующими лишних доказательств. В стратегическом плане эти идеи, принципы и цели должны быть применимы для любого общества, для любой конкретно-исторической и культурно-политической среды.

Радикальные либералы – это своеобразные фанатики либеральных идей и либеральных принципов [5, с. 100]. Перефразируя классиков марксизма, можно сказать, что для русских радикалов либеральный «общественный идеал» всегда был первичен, а средства и методы его воплощения – вторичны. Первичность «идеала» предполагало, в случае необходимости, использование и революционных методов его воплощения.

Так, по мнению В.В. Леонтовича, доминирующий в России радикальный либерализм всегда имел тенденцию к реализации либеральных принципов в виде рационалистической, но по сути абстрактной программы, выведенной из чистых теоретических конструкций. При этом радикал-либералы настаивали на осуществлении «этих требований немедленно и в полной мере. И тогда очень скоро оказалось, что такой политический радикализм не в состоянии противостоять социалистическим и революционным учениям» [4, с. 109].

Именно представители радикального либерализма, широко представленные в интеллигентской, профессорско-академической среде, и формировали на протяжении XIX - начала XX вв. государственоведческую, политическую науку в России. В 1905 г. теоретик монархизма Л.А. Тихомиров замечал, что русская государственная наука «прививала европейские идеи и понятия» [8, с. 310]. А евразиец Н.Н. Алексеев в 1931 г. так характеризовал состояние отечественной дореволюционной политико-правовой науки, в большинстве представленной либеральными авторами: «Русские ученые, вышедшие из западных школ,

без всяких особых размышлений и без всяких оговорок, перенесли построенную на западе теорию европейского государства на русскую почву и тем самым придали принципам этой теории нормативное значение. Оттого наше государствоведение... являлось не чем иным, как политикой европеизации русского государства» [1, с. 396].

Для концепций П.И. Новгородцева и С.Л. Франка не были характерны ни радикализм подобных либеральных подходов, ни западная политическая догматика. Более того, оба мыслителя постоянно преодолевали идеологические рамки ортодоксального либерализма, искали возможности плодотворного синтеза с другими идеологиями, прежде всего – с консерватизмом и социализмом.

Так, например, С.Л. Франк в соизводительной взаимозависимости либерализма (творческое начало) и классического консерватизма (охранительное начало) видел оптимальный путь политического реформирования России. Он, в частности, писал: «Из этой общей взаимосвязанности и приуроченности друг к другу этих двух начал следует, что охранение и свобода творческой инициативы суть, собственно, не две разные задачи общественной политики, а лишь две стороны одной органически целостной задачи» [9, с. 127]. А П.И. Новгородцев вообще считал либерально-консервативный (творческо-охранительный) подход единственно научным. Он полагал, что наука в принципе «не знает прыжков и перерывов в причинном ряде явлений». В этом случае политическая наука имеет дело с причинностью, анализирует постепенные и закономерные процессы, «в которых старое не преобразуется,

а только преобразуется, в которых настоящее и будущее неизбежно сочетается с прошлым» [6, с. 59].

Отличали позицию Новгородцева и Франка от доминирующих идей и построений русских либералов и значительная социальная направленность, взаимодействие либерального подхода с элементами социализма и народничества, поиск широких возможностей социальной солидарности для достижения общественной гармонии и реализации общегосударственных задач.

П.И. Новгородцев в своем творчестве уделял значительное внимание важности политики полноценных социальных реформ, воплощающих принцип «справедливости». В этой связи его правомерно назвать наиболее крупным представителем концепции социального государства в русской либеральной мысли. Социальную справедливость Новгородцев понимал, прежде всего, как «право на достойное человеческое существование». Это подразумевало необходимость со стороны государства ограничения частного произвола, централизованное перераспределение значительной доли национальных богатств в пользу социально нуждающихся, право на труд, на помощь в случае потери работником трудоспособности и т.д. Для успешных реформ в России Новгородцев считал весьма благотворным взаимосвязь либерализма с позитивными социалистическими принципами, «стремление примирить равенство и свободу» [7, с. 357]. Он отмечал: «Когда либерализм отказывается от узкого и отвлеченно-формального понимания начала свободы, а социализм примиряется с существующим государством, сохраняющим свою индивидуалистическую основу, свой характер системы

свободы, – на практике, в осуществлении очередных жизненных задач их пути сближаются, как бы далеко ни расходились они в исходных основаниях и конечных идеалах [6, с. 515]. С.Л. Франк также говорил о необходимости творческого усвоения русским либерализмом всего самого ценного и социально значимого, что заложено в социалистических учениях в гармонии с православно-коллективистскими традициями русской духовной культуры.

В целом либеральная теория в России XIX - XX вв. формировалась под воздействием западноевропейских эволюционных концепций Нового времени, что обусловило и специфику подходов к политическому реформированию. Законы общественной эволюции признавались универсальными, «общечеловеческими». Эти законы определяют непрерывное и поступательное историческое движение от простейших, «архаических» форм организации общества к более сложным и «прогрессивным».

Само понятие «прогресс» является ключевым в либеральной доктрине. Этот термин для теории социальной эволюции был предложен в 1794 г. французским философом Ж.А. Кондорсе. «Прогресс» он трактовал как независимую ни от каких сил способность человека к непрерывному совершенствованию, ограниченную лишь «длительностью существования нашей планеты» и направленную на улучшение человеческого рода [3, с. 5]. В России понятие «прогресс» было известно уже с начала XIX в. и активно использовалось идеологами либерализма. Так, крупнейший социологический авторитет среди русских либералов М.М. Ковалевский отмечал, что все

народы «проходят одинаковые стадии развития» в виде последовательной смены определенных общественных и политических состояний [2, с. 33]. Для либералов была характерна трактовка истории любых цивилизационных миров как наступательного, иногда замедляющегося движения к целям прогресса – достижения стадии гражданского состояния общества, правового государства и неограниченных возможностей реализации индивидами всевозможных свобод. И процессы социально-политических преобразований в России (даже с упоминанием о ее определенной национальной самобытности и специфичности) рассматривались либеральными авторами в данном контексте общецивилизационной эволюции.

Это была своеобразная «либеральная эсхатология», стремление воплотить либеральный «общественный идеал» как новое «Царство Божие». Причем, начиная с М.М. Сперанского и П.Я. Чаадаева, в популярных среди отечественных либералов концептах общественного прогресса Россия неизменно позиционировалась как страна с «запаздывающим» типом развития по сравнению с Европой. При этом была безусловная уверенность, что, пусть и отставая, но российское общество проходит те же универсальные стадии, которые прошел Западный мир. Так, либералы начала XX в., вооружившись эволюционно-позитивистскими схемами прогресса, были убеждены в закономерности движения России в направлении желанного общественного идеала. Но «враждебным заслоном» прогресса являются «рудименты» старого мира – институт самодержавной монархии, сословная орга-

низация общества, общинные формы организации жизни и хозяйства и т.д. Следовательно, последней «кавалерийской атакой» необходимо активно завершить процесс формирования в России либерального идеала западного типа как нормативного.

Примечательно, что подобные радикальные устремления мы встречаем у российских либералов и в конце XX в., но уже применительно к «рудIMENTам» Советского Союза. В этом отечественном идейном направлении за 100 лет не произошло каких-либо существенных изменений как в умонастроениях, так и в достаточно поверхностных приверженностях западно-центристским схемам прогресса.

И здесь важно выделить базовое отличие подходов П.И. Новгородцева и С.Л. Франка от господствующих установок в русском либерализме. Для этих двух мыслителей была характерна своеобразная «методологическая гибкость», что и выразилось в выработке принципа «политического релятивизма». Необходимо при этом отметить, что данное понятие не использовалось ни тем, ни другим политическим философом, а является авторским, сформулированным на основе анализа творчества Новгородцева и Франка.

В рамках принципа «политического релятивизма» проблема средств и путей прогресса осмысливалась в контексте соотношения абсолютного общественного идеала с относительными социально-историческими формами жизнедеятельности общества. Понятие «прогресс» переводилось в категорию «бесконечности», вечного движения к абсолюту, а исторические этапы, стадии развития, реформаторские замыслы и их воплощение рас-

сматривались в качестве возможного достижения отдельных, но все же относительных ступеней идеального состояния общества и его политической системы. Сама постановка вопроса об относительной «идеальности» эволюционных стадий исторического движения предполагала не их отрицание, а обозначение всякой эмпирической данности как ценностной основы «бесконечного» развития.

Так, П.И. Новгородцев отмечал: «Не земной рай, как вечная награда за употребленные ранее усилия, а неустанный труд, как долг постоянного стремления к вечно усложняющейся цели, – вот что ..., должно быть задачей общественного прогресса» [6, с. 47]. Согласно его позиции, в политике методологически неверным и социально опасным является как ортодоксальная абсолютизация уже существующих государственных форм, так и радикальное стремление практического воплощения «земного рая» (утопии будущего), безусловная вера в возможность скорого «доведения» несовершенных исторических форм до состояния полного совершенства и гармонии, согласно заданному идеалу. Новгородцев замечал, что и радикализм, и догматический консерватизм парадоксальным образом совпадают и своеобразно отражают друг друга в осуждении каких-либо относительных и переходных стадий развития общества: «Одно – для того, чтобы сразу возвыситься к совершенному будущему, другое – для того, чтобы сохранить неизменным настоящее» [6, с. 92]. С другой стороны, эти формально антагонистические направления оказываются родственными в своей иррациональной вере полного воплощения

некоего безусловного идеала в относительном мире: «Одно из них верит в земной рай, другое ищет лишь спасения от земного ада» [6, с. 99].

И радикализму, и ортодоксальному консерватизму Новгородцев противопоставлял свое понимание прогресса. С позиции возможностей бесконечного развития должны быть отвергнуты такие абстракции, как «совершенное государство», «истинная церковь», «богоизбранный народ», «прогрессивный экономический класс» и т.д., представляющие собой лишь абсолютизацию форм исторических явлений. Он писал: «Этому ложному абсолютизму, пытающемуся найти и осуществить неподвижные формы в области развивающихся отношений, следует противопоставить тот законный практический релятивизм, который неизбежно связывается с выбором путей и средств к осуществлению абсолютного идеала» [6, с. 100]. В стратегии вечного движения к абсолютному идеалу крайне важно сопряжение идеальных целей с практической политической работой в направлении этих целей – но в рамках эмпирической реальности каждого эволюционного этапа. Абсолютность целей общественных идеалов необходимо воспринимать как путеводные звезды, в направлении которых можно идти бесконечно. В этом случае практическую для общества ценность приобретает само это движение, в том числе и рациональные политические реформы.

В ходе осмысленных политических преобразований любые существующие общественные и государственные формы могут быть усовершенствованы, но сам этот процесс никогда не может достичь конечной стадии пол-

ного совершенства. Поэтому, по мнению Новгородцева, место утопических абстракций скорого общественного преобразования должен занять идеал возможностей бесконечного развития каждой отдельной личности. Этот идеал не может быть напрямую связан с какими-либо общественными (относительными) формами, но путь совершенствования необходимо проходить через эти формы. Когда абсолютной целью и критерием общественного прогресса признается прогресс личности, то главным требованием к политической системе становится обеспечение условий беспрепятственного и бесконечного ее развития. В этом случае можно говорить об относительном движении к абсолютному идеалу, а успешность политических преобразований оценивать возможностями наибольшего в каждый момент исторического времени воплощения хоть и относительной, но все же частицы абсолюта. «Каждый новый шаг вперед, – писал Новгородцев, – есть известное удовлетворение, но вместе с тем и повод для нового движения» [6, с. 121].

Близка к П.И. Новгородцеву и позиция С.Л. Франка. Успешность политических преобразований рассматривалась им в русле соотношения постоянной, непрерывной тактики эмпирического редукционизма, относительной к условиям конкретной исторической эпохи, при неизменном сохранении абсолютной стратегической цели общества и личности. В традициях русской религиозной философии данная цель определялась как достижение Богочеловечества [9, 107]. Этот абсолют противопоставлялся Франком многочисленным вариантам общественных идеалов, выработанным

ными той или иной эпохой или определенными идейно-политическими течениями. Он считал, что подобного рода «общественные идеалы» всегда относительно – они исторически «связаны» местом и временем, когда «абсолютное осуществление абсолютной правды» заменяется лишь частичным ее осуществлением. Франк отмечал, что подобная относительность объясняется абсолютизацией какого либо конкретного отвлеченного принципа, например «равенства», «свободы», «солидарности», «порядка» и т.д. Но любая абсолютизация отдельных принципов вступает в противоречие с подлинным абсолютным как истинной целью общественной жизни, интегрирующей в себя все эти принципы: «Лишь единство, соотносительная связь и гармоническое взаимное восполнение и равновесие всех таких отвлеченных идеалов может выразить истинное назначение, подлинную цель общественной жизни» [9, с. 107]. В конкретные исторические периоды, а также в рамках различных идеологий людям свойственно увлекаться теми или иными идеалами, основанными на определенных принципах.

По мнению Франка, такого рода увлечения общественными идеалами рождаются в результате настоятельных эмпирических нужд своей эпохи. Здесь и появляется иллюзия важности переноса реализации конкретных и актуальных общественно-политических задач на конечные идеалы человеческого развития, а крайние практические необходимости объявляются движением к стратегическим целям общественной жизни. Поэтому Франк призывал четко разграничивать тактику реформ, ориентирован-

ную на удовлетворение конкретных эмпирических нужд своего времени, и стратегию абсолюта в качестве универсальной цели человечества. В этом случае нельзя окончательно утверждать, что какая-либо политическая или экономическая система является наилучшей и идеальной. Актуальные вопросы должны решаться исходя из конкретных исторических задач данного времени и данного общества, а эффективность и социальная безболезненность этих решений требует от политиков безусловного знания практических нужд, ориентации в реалиях общественно-политической, экономической, духовной жизни своей страны. В то же время любое доктринерство имеет тенденцию к реализации отвлеченных идейных схем, и ведет к деспотическому слову органики жизнедеятельности общества.

С.Л. Франк сравнивал деятельность политика с профессией врача. Методы эффективного лечения в медицине основываются не только на знании общих законов физиологии и анатомии, но и зависят от хода болезни и конкретного состояния организма пациента. «Политика есть лечение, – писал Франк – (гигиеническое, терапевтическое, в безвыходных случаях – хирургическое) общества, или его воспитание, создание условий и отношений, наиболее благоприятных для развития его внутренних творческих сил» [9, с. 105]. Для действующего политика наиболее важным является видение и анализ специфики конкретного народа, его состояния, сегодняшних условий его жизни. Это сразу снимает умозрительность «идеалов» и ставит на повестку дня вопрос о современной организации социально-политической

и экономической системы – относительно с точки зрения вечности, но оптимальной с позиций актуальных социальных запросов и потребностей.

С.Л. Франк, в частности, отмечал: «Хороша та форма правления (например, монархия или республика, аристократия или демократия и т.п.), которая обеспечивает наилучшее при данных условиях управление (например, дает наиболее энергичных, осведомленных, неподкупных администраторов) и наибольшее осуществимое при данном состоянии общества равновесие между государственным контролем и общественной самостоятельностью» [9, с. 105]. В каждую конкретную историческую эпоху оптимальная социально-политическая система, с одной стороны, должна соответствовать народной ментальности, а с другой – способствовать прогрессивному и максимальному в данных условиях творческому развитию как отдельных личностей, так и совокупных общественных сил. Только в этом случае те или иные реформы будут всегда актуальными и оправданными.

Обоснованный Новгородцевым и Франком принцип политического релятивизма, согласно которому любые общественно-политические формы являются относительными по отношению к стратегическому абсолюту человеческого развития, часто объективно не различимого для практической политики, заретушированного конкретикой места и времени исторического действия, несомненно, является одним из наиболее ярких достижений русской общественной мысли. П.И. Новгородцев и С.Л. Франк настаивали на отказе от политического мифотворчества, от догматического стремления

к реализации абстрактно-теоретических формул «общественных идеалов», от попыток воплощения очередных социальных утопий. Вместо этого выдвигались важнейшие требования к политике – быть трезвой и рациональной по отношению к сложившимся формам жизнедеятельности народа. Любые реформы (то есть изменения в устойчивых формах жизнедеятельности) должны быть ориентированы на постепенные улучшения конкретных и отдельных сторон общественной и государственной жизни путем напряженной и трудной, часто рутинной и обыденной работы.

Вклад П.И. Новгородцева и С.Л. Франка можно оценить как важнейший этап формирования подлинно научного подхода к политике. Актуальная для российского научного общества проблематика формирования национальной политологии должна, несомненно, подразумевать «включенность» в современную методологическую базу принципа «политического релятивизма», отделяющего статус реалистичной и практической науки от любых форм политических иллюзий и утопий.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алексеев Н.Н. Современное положение науки о государстве и ее ближайшие задачи // Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М.: «Аграф», 1998. 640 с.
2. Ковалевский М.М. Очерки истории развития социологии в конце XIX и в начале XX века // История нашего времени. (Современная культура и ее проблемы). Т. VII. Вып. 27-29. Пг., 1914. 254 с.
3. Кондорсе Ж.А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1936. 265 с.

4. Леонтович В.В. История либерализма в России (1762-1914). М.: Русский путь, 1995 445 с.
5. Матюхин А.В. Методология политических реформ К.Д. Кавелина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия История и политические науки. 2013. № 5. С. 99–104.
6. Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М.: Издательство «Пресса», 1991. 644 с.
7. Политология: учебник / О.З. Муштук. 2-е изд., перераб. и доп. М: Московская финансово-промышленная академия, 2011. 480 с.
8. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. СПб.: Российский имперский союз-орден, 1992. 680 с.
9. Франк С.Л. Духовные основы общества. М.: Издательство «Республика», 1992. 511 с.